

Порча-сглаз как феномен вербальной магии: нарративный аспект

Анатолий В. Панюков

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра

Уральского отделения РАН,

Сыктывкар, Россия, arankomisc@mail.ru

Аннотация. Статья продолжает исследования, посвященные феномену порчи-сглаза. В основу авторской концепции было выдвинуто следующее определение: «Порча-сглаз – это непреднамеренное, спонтанно индуцируемое вербально-магическое воздействие с негативным результатом, обусловленным языковой семантикой слова-сглаза. Вербальный компонент, лежащий в основе магического акта, может быть выражен прямой речью или связан с восприятием адресатом невысказанных мыслей и намерений адресанта». Вербально-магический акт порчи-сглаза может быть представлен в виде коммуникативной модели: адресант (отправитель слова-сглаза) – вербальное сообщение (слово-сглаз) – адресат (получатель сообщения) и объект порчи-сглаза; этим объектом может быть как сам адресат, так и любой жизненно значимый для него объект, находящийся в поле зрения. Анализируемые устные рассказы о порче-сглазе воспроизводят эту коммуникативную модель. При получении неожиданного сообщения в сознании адресата возникает когнитивный «ступор», который разрывает восприятие окружающей действительности на ситуации «до» и «после». Если ситуация «до» связана с привычным, «обычным» мировосприятием, то ситуация «после» связана с переосмыслением сообщения, направленным на устранение когнитивного диссонанса. Особую роль в этом разрыве играет эмоциональная составляющая. Ситуация «после» противопоставляется нейтральному, исходному контексту и обретает негативное осмысление. Когнитивные усилия направлены на поиск дополнительных референций – соотношения вербального сообщения с объектами внеязыковой действительности, обращения к первичным номинациям, к буквальному осмыслению слов. В результате разрыва коммуникации слово-сглаз порождает две когнитивные модели – модели понимания сообщения. Исходный смысл воспринимается адресатом-реципиентом как

«речевая ошибка», вызывающая в его сознании дополнительные когнитивные усилия, порождающие «исправленный» вариант осмысления. В структуре сюжета эти две части и представляют исходную и финальную ситуации, связанные с двумя моделями понимания вербального сообщения.

Ключевые слова: фольклор, вербально-магический акт, коммуникативная ситуация, вербальное сообщение, когнитивная модель, сюжет, структура

Дата поступления статьи: 11 января 2024 г.

Дата одобрения рецензентами: 20 марта 2024 г.

Дата публикации: 26 марта 2025 г.

Для цитирования: Панюков А.В. Порча-сглаз как феномен вербальной магии: нарративный аспект // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 1. С. 33–44. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-1-33-44

Magic curse – evil eye as a phenomenon of verbal magic. Narrative aspect

Anatolii V. Panyukov

*Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia, apankomisc@mail.ru*

Abstract. The article continues research on the phenomenon of evil eye damage.

The author's concept was based on the following definition: "The evil eye is an unintentional, spontaneously induced verbal magical effect with a negative result, determined by the linguistic semantics of the evil eye word. The verbal component underlying the magical act can be expressed in direct speech or associated with the perception by the addressee of the addressee's unspoken thoughts and intentions." The verbal-magical act of evil eye damage can be presented in the form of a communication model: addressee (sender of the evil eye word) – verbal message (evil eye word) – addressee (recipient of the message) and object of the evil eye damage; this object can be either the addressee themselves or any vitally significant object for him that is in the field of view. The analyzed oral stories about the evil eye reproduce this communicative model. When receiving an unexpected message, a cognitive "stupor" arises in the recipient's mind, which breaks the perception of the surrounding reality into "before" and "after" situations. If the "before" situation is associated with the usual, "ordinary" worldview, then the "after" situation is associated with a

rethinking of the message aimed at eliminating cognitive dissonance. The emotional component plays a special role in this gap. The “after” situation is contrasted with the neutral, initial context and acquires a negative meaning. Cognitive efforts are aimed at searching for additional references – correlating verbal messages with objects of extra-linguistic reality, turning to primary nominations, and literal interpretation of words. As a result of a breakdown in communication, the evil eye word gives rise to two cognitive models – models of understanding the message. The original meaning is perceived by the addressee-recipient as a “speech error”, causing additional cognitive efforts in their mind, generating a “corrected” version of comprehension. In the structure of the plot, these two parts represent the initial and final situations associated with two models of understanding the verbal message.

Keywords: folklore, verbal magic act, communicative situation, verbal message, cognitive model, plot, structure

Received: January 11, 2024

Approved after reviewing: March 20, 2024

Date of publication: March 26, 2025

For citation: Panyukov, A.V. (2025), “Magic curse – evil eye as a phenomenon of verbal magic. Narrative aspect”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 1, pp. 33–44, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-1-33-44

Феномену сглаза посвящено достаточно большое количество научных работ отечественных исследователей [Адоньева 2004, с. 93–114, 240–273; Христофорова 2010, с. 94–101; Веселова, Мариничева 2010, с. 156–170; Левкиевская 2016, с. 333–350; Неклюдов 2020, с. 10–27]. Обзор некоторых российских и зарубежных концепций сделан Н.В. Петровым в специальной работе [Петров 2014]. Однако несмотря на это, сами механизмы сглаза представляются в виде некоего «черного ящика» (чаще всего населяемого различными «демонами»: «демонами» взгляда, слова, восхищения, зависти, мысли и т. п.). Мы знаем конечный результат, знаем исходную ситуацию, но не понимаем, как это происходит. В образе такого же «черного ящика» сглаз (культурно-обусловленный синдром сглаза) рассматривается и в психиатрических исследованиях, хотя и есть работы, посвященные физиологии и психологии колдовской порчи [Cannon 1942; Lester 2009]. К сожалению, концепция Е.Е. Левкиевской, призванная упорядочить общеславянские представления о сглазе, еще больше усложняет задачу, выдвигая на первый план «ментальную» составляющую («бесконтактные» способы воздействия на жертву), в отличие от порчи, предполагающей контактное взаимодействие (при которой «переносчиком вреда служат различные материальные формы») [Левкиевская 2016, с. 333].

Между тем общие представления (и в современной культуре, и в науке) о магии сглаза вполне конкретны и понятны: явление это совершенно обыденное, сглазить может практически любой человек; сглазить можно совершенно случайно и непреднамеренно; сглазить можно кого угодно и что угодно; сглазить можно самого себя; в традиционных культурах исцелить от сглаза (во всяком случае на начальной стадии) может почти каждый с помощью несложных ритуализованных действий. Все это позволяет уверенно говорить о том, что сглаз не имеет никакого отношения к колдовским, эзотерическим знаниям и, по крайней мере, не должен рассматриваться в контексте колдовской, вредоносной магии. Этот тезис, по нашему убеждению, должен быть исходным для любых попыток понять сущность механизмов порчи-сглаза.

Авторская концепция порчи-сглаза подробно изложена в другой работе [Панюков 2021], поэтому здесь обозначим только основные пункты. Наше обращение к локальной традиции коми-зырян может быть рассмотрено как тактический шаг, принципиально сокращающий спектр насущных проблем, и прежде всего – связанных с мифологемой «дурного глаза». Основной (общекومي) термин *вомидз* (< *вом* ‘рот’; соответственно *вомидз* – это порча, связанная с речью: то, что исходит, вырывается из рта источника порчи), позволяет актуализировать именно вербальный характер порчи-сглаза. Это дает определенные возможности выдвинуть на первый план филологический аспект исследования, роль языка в структуре представлений о порче-сглазе. Соответственно, ключевым фактором для сближения представлений о магии взгляда и магии слова является их коммуникативное единство: порча-*вомидз* возникает только при непосредственном визуальном контакте адресанта с объектом порчи. Именно с регламентацией визуального контакта с объектами, представляющими особую витальную ценность, связано множество превентивных мер, используемых в традиции.

Отталкиваясь от магических представлений коми-зырян, отметим, что вторым по распространенности после *вомдзавны* можно отметить термин *уркнитны* ‘изурочить’ (*уркнитчины* ‘изурочиться’, *уркнитчём* ‘урок, сглаз’). Этот глагол связан с рус. *урок*; возможно, с вариантом типа *урекнуть*, или возникшим по аналогии с другими заимствованиями (*уркёвой*, *уркём* ‘урок, урочная работа’). Вероятно, именно *урок* (< изурочить < *речь*) в вариантах *уреки*, *урёк*, *урёки*) воспринимался как ближайший смысловой аналог коми *вомидз*; во всяком случае, в заговорных текстах коми-зырян наиболее часто встречается именно этот дублет *урёк-вомидз* или *урёки-вомидз*. Это уже позволяет предположить, что и в донорской, русской традиции эти термины занимали основное

место. Исходя из того, что народная терминология более консервативна, нетрудно заметить, что русская, да и славянская терминология порчи-сглаза достаточно четко определяет первое место за терминами, связанными с речью, говорением. Систематизировав огромный материал по Полесью, Е.Е. Левкиевская отмечает, что в полесской традиции наиболее распространенным термином для обозначения сглаза является лексема *урок* с семантикой говорения (*уроки, вроцы*; производное от глагола *ректи* 'говорить'), имеющая соответствия во всех славянских языках для обозначения данного явления. Та же семантика говорения содержится в лексемах, восходящих к корню *мова* 'язык, речь' (укр., бел.), достаточно часто обозначающих сглаз. Иногда в этом же значении используется русизм *прыгавор* (ветков. гомел.). Вторыми по частотности можно считать лексемы, производные от глагола *думать*, что объясняется вторым существующим представлением о сглазе – с помощью мыслей, с семантикой удивления по поводу увиденного связаны ю.-слав. названия сглаза с корнем *чуд-*. Третий круг терминологии, обозначающей сглаз, имеет семантику взгляда, зрения: *подивок* (лоев. гомел.), *падиў*: «Це падиў <сглаз> – *падивий хто на тебе*» (ветков. гомел.). При этом известно, что значение «глядеть, смотреть» (в рус. диалектах и украинском) вторично и возникло из «глядеть с удивлением» – дивиться, диво, т. е. этот термин может быть включен в другой круг терминов с семантикой удивления. Далее отмечено, что в полесских говорах довольно часто под влиянием русского языка встречаются и термины *сглаз, сглазить*, которые сами носители традиции осознают как русизмы [Левкиевская 2016, с. 336].

По данным Н.В. Петрова, «на 146 текстов про сглаз и порчу из трех фольклорных сборников (записи конца XX – начала XXI в.) нарративы про то, что взгляд человека явился причиной сглаза, составляют всего 9%. Лидирует при этом сема «действие» – объяснение этому вполне простое: как уже говорилось, порча – явление, подразумевающее контактное действие, – терминологически оформляется как сглаз» [Петров 2014, с. 333]. Анализ лексики многотомного словаря русских народных говоров позволяет сделать вывод о том, что «лексемы с историческим значением 'говорить / речь' (*урочить, урок* и подобные) утратили связь с исходным понятием "вредоносное слово", и обобщающими, "родовыми" для этих лексем выступают значения 'сглазить / сглаз' и 'навести порчу', в том числе и у широкозначных глаголов действия» [Лю 2018, с. 51]. Другими словами, концепт «дурного глаза» стал своего рода «аттрактором» для традиционных представлений о порче-уроке. Действия этого аттрактора очевидны для современных представлений о сглазе, уже занявших основную «нишу» магичес-

кой порчи. При этом в большинстве словарей современного русского языка (тех, на которые ссылается Справочно-информационный портал «Грамота.ру») слово *сглазить* помимо «суеверного» ‘принести несчастье, порчу взглядом, дурным глазом’ имеет *переносное* (sic!) значение ‘повредить кому-л. похвалами, помешать успеху чего-л., заранее предсказав его’ (Словари Ушакова, Ожегова, Ефремовой, Большой толковый словарь Кузнецова и др.). Таким образом, и для русской, и для многих славянских традиций правомерно говорить не о сглазе, а о порче-уроке как феномене вербальной магии. Но вернемся к нашей концепции.

В основу нашей вербально-магической концепции было выдвинуто следующее определение: *«Вомидз ‘сглаз’ – это непреднамеренное, спонтанно индуцируемое вербально-магическое воздействие с негативным результатом, обусловленный языковой семантикой слова-сглаза. Вербальный компонент, лежащий в основе магического акта, может быть выражен прямой речью или связан с восприятием (= вербализацией) адресатом невысказанных мыслей и намерений адресанта»* [Панюков 2021, с. 441]. Сам вербально-магический акт порчи-сглаза может быть представлен в виде коммуникативной модели: адресант (отправитель слова-сглаза) – вербальное сообщение (слово-сглаз) – адресат (получатель сообщения, реципиент) и объект порчи-сглаза; этим объектом может быть как сам адресат, так и любой жизненно значимый для него объект, находящийся в поле зрения. Кроме того, достаточно часто порча-сглаз возникает в ситуации автокоммуникации, когда адресант и адресат вербального сообщения совпадают, т. е. в ситуации диалога с самим собой порча-сглаз непреднамеренно может быть направлена на себя или свое окружение.

Таким образом, согласно выдвинутой концепции из широкого спектра нарративов о сглазе нас интересуют тексты, в которых сохраняется необходимый для реконструкции когнитивных механизмов вербальный компонент – слово-сглаз. На данном этапе наша цель ограничена текстологическими установками на выявление сюжетной структуры анализируемых нарративов. Определимся, что речь идет о событийных сюжетах, центральным событием которых является момент возникновения порчи-сглаза. Поэтому прежде всего попытаемся выяснить, каким образом вербальный компонент – слово-сглаз организует структуру анализируемых «личностных историй» о порче. Поскольку эта структура должна отражать определенные когнитивные процессы, происходящие в сознании адресата-реципиента, мы, так или иначе, внедряемся в область исследований когнитивной лингвистики, изучающей взаимосвязь языка и сознания [Попова, Стернин 2010]. Однако мы не беремся утверждать тождество нейролингвистических

процессов (как появляется психофизиологическая программа возникающей болезни) и их нарративного отражения. Для нас на первом плане находятся сами механизмы возникновения «личностного» мифа о порче-сглазе.

Как и в любом коммуникативном процессе, каждый из участников выполняет свою коммуникативную роль. Адресант, помимо того, что отправляет некое сообщение, должен обозначить свои коммуникативные намерения. Адресат должен принять информацию (услышать ее), понять ее (интерпретировать) в соответствии с коммуникативными ожиданиями, а также отреагировать на полученную информацию. В проекции на слово-*сглаз* все предварительные действия и защитные формулы, регламентированные традицией, самым конкретным и однозначным, не допускающим иных интерпретаций способом обозначают коммуникативные намерения адресанта. В такой ситуации адресат так же однозначно принимает, интерпретирует сказанные слова и реагирует на них.

В случае неожиданной, спонтанно возникшей коммуникации адресат получает сообщение (слово-сглаз), не имея соответствующих коммуникативных ожиданий. В нейтральной ситуации это вызвало бы у адресата коммуникативный дискомфорт, требующий дополнительных когнитивных усилий для интерпретации. В ситуации с неожиданным («взрывоподобным») вербальным сообщением адресат попадает в ситуацию коммуникативного «ступора». Адресат не готов к общению (не имеет коммуникативных ожиданий) или полученная информация (услышанное сообщение) не соответствует его ожиданиям (= когнитивный диссонанс).

Ключевую роль в такой коммуникативной ситуации играет эмоциональная составляющая, включающая в сознании адресата когнитивные процессы, порождающие негативную интерпретацию. Прежде всего, речь идет об удивлении – когнитивной эмоции, связанной с непредвиденной ситуацией. Эту эмоцию называют также «оператором оценки, основанным на обманутом вероятностном прогнозе и переживаемым как нарушение нормы ожидания» [Куликов, Ковалев 1997, с. 32]. Если неожиданная ситуация окажется безопасной, то удивление приобретает положительный импульс. Если неожиданная ситуация окажется опасной, то удивление переходит в страх. Таким образом, в ситуации когнитивного «ступора» мировосприятие адресата разрывается на ситуации «до» и «после». Ситуация «после» противопоставляется нейтральному, исходному контексту и обретает негативное осмысление. Эта негативная интерпретация, возникающая в сознании адресата в результате дополнительных когнитивных усилий, определенным образом связана с исходной языковой семантикой. Прежде всего, эта интерпретация связана с переосмыслением вторичных

номинаций, возвратом к внутрисистемным языковым барьерам. Описание этих когнитивных процессов требует специального разговора. В данном месте попытаемся обозначить основные пункты на конкретном примере.

Порча-сглаз ребенка. У матери всего десять родилось, четверо тогда было. В бане, один ребёнок плачет, и ему Раиса (вместе мылись) говорит: «Что ты плачешь, вон Егор меньше тебя, и то не плачет!» Егор наш заплакал, и давай плакать и никак не унимается. Сутки плакал. Отвели потом его к Мелик Мишу <известный местный знахарь. – А. П.>, а он говорит: «Я уже ничего сделать не могу. До сердца уже дошло. Он в бане был, совсем без одежды, ничего сделать не могу». Не смог помочь, за сутки Егор наш умер¹.

Речевой компонент: «Что ты плачешь, вон Егор меньше тебя, и то не плачет!»

Текст от коми информанта записан на русском языке, тем не менее коммуникативная ситуация не требует языковой реконструкции: рассказчик, он же свидетель, от имени которого описывается событие; в рассказе есть адресант слова-сглаза, непосредственным адресатом которого является плачущий мальчик. Однако в данной коммуникативной ситуации адресатами становятся все присутствующие, в том числе и рассказчик; объект порчи – мальчик Егор, по логике рассказа, и становится адресатом-реципиентом. Нарратор явно осознает связь порчи-сглаза, вызвавшей смерть мальчика Егора, с произнесенными адресантом словами, но не пытается их как-то интерпретировать. Очевидно, что содержание сказанных слов – «речевого компонента» непосредственно связано с порчей-сглазом. Для рассказчика очевидна и какая-то связь исходной (адресант произносит слова для плачущего старшего мальчика) и финальной (слова адресанта привели к обратному эффекту, вызвав плач маленького мальчика) ситуаций.

Речевое сообщение изначально предназначено старшему мальчику, именно для него оно имеет императивный смысл: «Большие мальчики не должны плакать». Возникший в результате коммуникации когнитивный диссонанс здесь очевиден: речевой компонент представляет собой метафорическую конструкцию с переносным значением «плачущий подобен маленькому», однако реальный контекст противоречит этому утверждению. В реальной действительности «большой мальчик плачет», а «маленький мальчик не плачет».

¹ Фольклорный фонд ИЯЛИ Коми НЦ, ФФ ИЯЛИ В0609-9. Записано Г.С. Савельевой в 2006 г. в д. Кони Княжпогостского р-на РК от Г.А.П. 1928 г. р.

Исходный смысл: метафорическая конструкция с переносным значением «плачущий подобен маленькому» = «плачет как маленький». Именно этот смысл вкладывает в свои слова адресант в исходной ситуации.

Когнитивный «ступор»: реальный контекст противоречит этому утверждению. В реальной действительности «большой мальчик плачет», а «маленький мальчик не плачет». Возникает когнитивный «ступор», требующий своего разрешения. Поскольку исходный смысл, заданный адресантом, не соответствует коммуникативной ситуации, в сознании реципиента он воспринимается как «речевая ошибка», и в результате дополнительных когнитивных усилий возникает «исправленный» – индуцированный сознанием адресата в соответствии с контекстом смысл. Будем исходить из того, что когнитивный «ступор» возникает в сознании мальчика Егора в силу объективных причин, отраженных в рассказе: для него возникшая коммуникативная ситуация оказалась абсолютно неожиданной; метафорический смысл «плачет как маленький» в результате абсолютного несоответствия коммуникативной ситуации не воспринимается его сознанием. Для адекватного понимания любой метафоры адресат должен понимать условность ее использования, когда «буквальное» значение предлагается воспринимать «фиктивно» – так называемый модус фиктивности [Телия 1996, с. 137]. Поэтому в сознании реципиента метафора замещается прямым буквальным пониманием слов «плачет + маленький». Возникает *индуцированный смысл*: тот, кто плачет – маленький. Таким образом, в результате дополнительных референций возникает индуцированный смысл, реализующий (перенаправляющий) императивный характер слова-сглаза: «Тот, кто плачет – маленький!» Именно он и реализуется как результат порчи: *«Егор наш заплакал, и давай плакать и никак не унимается»*.

Вместо заключения

На данном этапе исследования феномена сглаза мы можем сконцентрировать наше внимание на нарративах, представляющих собой личностные истории этиологической направленности, объясняющие происхождение порчи-сглаза. Эта этиология реализует индуцированную модель понимания слова-сглаза, связанную с необходимостью преодолеть когнитивный «ступор». Сюжет этих историй воспроизводит коммуникативную ситуацию «адресант сообщения – вербальный компонент – адресат-реципиент». В результате разрыва коммуникации вербальный компонент слова-сглаза порождает две когнитивные модели – модели понимания

сообщения. Исходный смысл воспринимается адресатом-реципиентом как «речевая ошибка», вызывающая в его сознании дополнительные когнитивные усилия, порождающие «исправленный» вариант осмысления. Этот переход через семантическую границу языковой системы (возврат к первичным номинациям, буквальное осмыслению сообщения и другое) и может быть определен как «событие» в трактовке «событийного» сюжета. Для понимания когнитивных механизмов принципиально важно, что в ситуации когнитивного «ступора» мировосприятие адресата разрывается на ситуации «до» и «после». Особую роль в этом разрыве играет эмоциональная составляющая. Ситуация «после» противопоставляется нейтральному, исходному контексту и обретает негативное осмысление. В структуре сюжета эти две части и представляют исходную и финальную ситуации, реализующие две модели понимания вербального сообщения.

Благодарности

Работа выполнена в рамках плановой темы НИР (рег. № 121051400044-2).

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the planned research topic (reg. no. 121051400044-2).

Литература

- Адоньева 2004 – Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во СПбГУ, Амфора, 2004. 312 с.
- Веселова, Мариничева 2010 – Веселова И.С., Мариничева Ю.Ю. «Жаба тебе в рот» и «фига в кармане»: фантомы страха в пространстве колдовства // Пространство колдовства / сост. О.Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2010. С. 156–170.
- Куликов, Ковалев 1997 – Куликов В.Н., Ковалев А.Г. Эмоции и чувства в жизни человека. Иваново: ИвГУ, 1997. 236 с.
- Левкиевская 2016 – Левкиевская Е.Е. Мифологические механизмы сглаза: агрессоры и их жертвы (на материалах полесской традиции) // In Umbra: Демонология как семиотическая система: Альманах / отв. ред. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 5. М.: Индрик, 2016. С. 333–350.
- Лю 2018 – Лю Я. Мотивационная структура субполя «Сглаз, порча» лексико-семантического поля «Вред» в диалектах русского языка // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 47–54.

- Неклюдов 2020 – Неклюдов С.Ю. Отмененная «порча»: событие – ритуал – текст // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 4. С. 10–27.
- Панюков 2021 – Панюков А.В. Вомидз 'сглаз' как феномен вербальной магии коми // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 3. С. 433–445.
- Петров 2014 – Петров Н.В. Дурной сглаз: традиция, современность, Интернет // Сила взгляда: глаза в мифологии и иконографии / отв. ред. и сост. Д.И. Антонов. М.: РГГУ, 2014. С. 317–355.
- Попова, Стернин 2010 – Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.
- Телия 1996 – Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Христофорова 2010 – Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ: РГГУ, 2010. 432 с.
- Cannon 1942 – Cannon W.B. Voodoo death // *American Anthropologist*. 1942. Vol. 44. No. 2. P. 169–181.
- Lester 2009 – Lester D. Voodoo deathn // *OMEGA*. 2009. Vol. 59. No. 1. P. 1–18.

References

- Adon'eva, S.B. (2004), *Pragmatika fol'klora* [The pragmatics of folklore], Izdatel'stvo SPbGU, Amfora, Saint Petersburg, Russia.
- Cannon, W.B. (1942), "Voodoo death", *American Anthropologist*, vol. 44, no. 2, pp. 169–181.
- Khristoforova, O.B. (2010), *Kolduny i zhertvy. Antropologiya koldovstva v sovremennoi Rossii* [Witches and victims. Anthropology of the witchcraft in the present-day Russia], OGI, RGGU, Moscow, Russia.
- Kulikov, V.N. and Kovalev, A.G. (1997), *Emotsii i chuvstva v zhizni cheloveka* [Emotions and feelings in human life], IvGU, Ivanovo, Russia.
- Lester, D. (2009), Voodoo death, *OMEGA*, vol. 59, no. 1, pp. 1–18.
- Levkievskaya, E.E. (2016), "Mythological mechanisms of the evil eye. Aggressors and their victims (based on the Polesie tradition)", in Antinov, D.I. and Khristoforova, O.B., eds., *In Umbra: Demonologiya kak semioticheskaya sistema* [In Umbra. Demonology as a semiotic system], vol. 5, Indrik, Moscow, Russia, p. 333–350.
- Liu, Ya. (2018), "Motivational structure of the subfield 'Evil eye, damage' of the lexical-semantic field 'Harm' in dialects of the Russian language", *Tomsk State University Journal*, no. 427, pp. 47–54.
- Neklyudov, S.Yu. (2020), "Cancelled "hex" as an event, as a ritual, and as a text", *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, vol. 4, pp. 10–27.

- Panyukov, A.V. (2021), "Womidz 'evil eye' as a fenomen of verbal magic of the komi-zyryans", *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, vol. 15, no. 3, pp. 433–445.
- Petrov, N.V. (2014), "The evil eye. Tradition, modernity, the Internet", in Antonov, D.I., ed., *Sila vzglyada: glaza v mifologii i ikonografii* [The power of the gaze. Eyes in mythology and iconography], RGGU, Moscow, Russia, pp. 317–355.
- Popova, Z.D. and Sternin, I.A. (2010), *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics], AST, East-West, Moscow, Russia.
- Teliya, V.N. (1996), *Russkaya frazeologiya: Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Veselova, I.S. and Marinicheva, Yu.Yu. (2010), " 'Toad in your mouth' and 'fig in your pocket'. Phantoms of fear in the space of witchcraft", in Khristoforova, O.B., ed., *Prostranstvo koldovstva* [The space of witchcraft], RGGU, Moscow, Russia, pp. 156–170.

Информация об авторе

Анатолий В. Панюков, кандидат филологических наук, доцент, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия; 167982, Россия, Республика Коми, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, *apankomisc@mail.ru*

ORCID ID: 0000-0003-1623-9940

Information about the author

Anatolii V. Panyukov, Cand. of Sci. (Philology), Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia; 26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russia; *apankomisc@mail.ru*

ORCID ID: 0000-0003-1623-9940